ŋqdqɏeɎ bɆ dədɆbɎɜə d ɕɔɑbɔɏ Ɉqddɏqɏè

Сергей Ауслендер

Н. Гумилев. Жемчуга

Оригинал здесь -- http://gumilev.ru/

Н. Гумилев. Жемчуга.
Книга стихов. Изд. "Скорпион". Москва, 1910, с. 167. Ц. 1 р. 50 к.

Посвящая свою книгу Валерию Брюсову, Гумилев называет его "учителем". И это не только поза почтительности перед величайшим из современников, нашим поэтом. С горделивой радостью несет звание "ученика" Гумилев, требуя и от других ("Письма о русской поэзии", "Аполлон") отношения к мастерству строгого и серьезного.

В опасные битвы приходилось вступать первым поэтам-модернистам, приходилось отказываться от всякой связи со старым, чтобы тверже и яснее выявить новое. Но в настоящее время, когда многое уже достигнуто, когда внешние победы выдвигают новые опасности: опасность успокоения (в тысячный раз повторяют готовые клише десятки поэтов-подражателей), или опасность бесформенных порывов, фальшивого горения (стремление гореть во что бы то ни стало многих уже погубило, далеко не бездарных поэтов), все это -- новый лозунг спокойного и взыскательного ученичества делает единственно спасительным.

Не изменить ни одному слову великих, тайных заветов; долгой, упорной работой добиться твердости и верности руки, чтобы каждый удар шпаги был не только проявлением природной смелости и ловкости, но и сложным, благородным искусством, -- таковы законы рыцарства, когда оно становится великим цехом.

С сознательной настойчивостью учится Гумилев, не внешне подрастая, а проникая в тайну творчества поэта, избранного им себе в учителя.

Опровергая ходячие упреки в мертвенном академизме, который будто бы заедает души тех молодых поэтов, которые полагают, что мало одной талантливости, одного порыва, что совершенство формы не менее важно, чем значительность содержания, опровергая эти упреки, продиктованные часто просто самоуверенной невежественностью, книга Гумилева не является упражнениями в стихосложении талантливого и прилежного ученика. "Жемчуга" -- уже книга поэта.

Юношеское целомудрие, скромность ученика, быть может, не всегда позволяют Гумилеву быть вполне свободным, все последние тайны души отдавать своим строкам.

Этот молодой рыцарь является на турнир еще с лицом, закрытым забралом.

Поэтому-то так старательно каждую мысль, каждое переживание окутывает он точными описаниями пыльных картин веков прошедших, стран далеких, фантастических, к которым постоянно влечется его воображение романтика. Поэтому-то в поэзии Гумилева так резко звучат лирические признания поэта и почти каждое стихотворение представляет как бы маленькую поэму, в которой с брюсовской четкостью и строгой логичностью ведется стройное повествование.

Но не мертвы все эти прихотливые фигуры: Адама, Дон Жуана, Семирамиды. Холодный мрамор одухотворен ваятелем. Душу современного поэта почувствует внимательный читатель, по осторожным намекам угадает лицо рыцаря, хотя и скрытое медью забрала.

Печальным и суровым даже в нежности представляется этот рыцарь. Любовь для него не награда за подвиг, а новый подвиг, новый смертельный поединок.

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве, глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась.
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи -- окрашены кровью[1].

В этом коротеньком стихотворении, кажется, единственный раз приподнимает рыцарь на минуту

ŋqdqɏeɎ bɆ dədɆbɎɜə d ɕɔɑbɔɏ Ɉqddɏqɏè